

ТИХИЕ
ПРИКОСНОВЕНИЯ

СЕРГЕЙ
КАШТАЛЬЯНОВ

Сергей Валентинович Каштальянов

Тихие прикосновения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70165531

SelfPub; 2023

Аннотация

Если вам с детства неприятно и иногда непереносимо находится среди множеств людей. Если вас среди людей на улице, в метро или в маркете, мучают болезненные мысли, не имеющие к вам никакого отношения и неожиданно и необъяснимо переживаете не ваши эмоции и ощущения. Если это есть вашей жизни, то эта история о подобных нам людях. Это о людях с такой же как у нас, повышенной эмпатической чувствительностью. Это и про вас и для вас тоже, возможный выход. Эта история о том, как дети могут жить счастливо и востребовано в существующем обществе. Только как бы в некоем придуманном мной будущем.

Содержание

Гл.1 Звездопад	5
Гл.2 Туманы	20
Гл.3 Дом на заливе	33
Гл.4 Предок в соснах	40
Гл.5. Шепот на лунной дорожке	54
Гл.6 Авария, но живем будущим	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Каштальянов

Тихие прикосновения

«Не верящий не имеет»

КСВ22

Гл.1 Звездопад

В том в далеком году детства, в один из призрачно-темных вечеров конца августа, когда казалось, что потемневшая тишина осязаема как теплый мягкий бархат, папа не стал заставлять их, Мета и Вари идти ложиться спать. Сегодня папа повел их на веранду смотреть, как падают звезды:

– Эта ночь особенная, ребята! Волшебная ночь падающих звезд! Мы вместе посмотрим, как они будут падать к нам, на нашу Аутландию. У дождевых тучек сегодня волшебным образом выходной и их не видно, а на веранде я для вас положил покрывала и подушки в ваши кресла-качалки. Мыс мамой дадим вам сладкого горячего какао! Мет, Вари идем?

Папа много работал, и обычно в это время мама укладывала их спать, а папа приходил с работы, когда они уже почти спали. Он подкрадывался к ним и по очереди их целовал, но сегодня он приехал, пораньше пообещав вчера им смотреть падающие звезды.

– Смотрим звезды!!!! – закричали они. Вари как всегда сдержанно и очень внимательно посмотрела на отца, а Мет просто обрадовался новой затее и начал скакать и носится вокруг него, выпрашивая бинокль. Он уже знал, что в него видно близко все, что очень далеко. Один раз папа показал ему, как смотреть через бинокль на почти невидимые деревья на горизонте, на дома и море вдальеке.

Сегодня папа усадил их на веранду в качалки и принес им совсем новые бинокли из дома.

Бинокли были тяжелыми. А чтобы смотреть, нужно еще и крепко удерживать его руками перед глазами. Зато на маленьком внутреннем мониторчике бинокля он смог вчера увидеть очень близко, как Вари пошла к лесу за их озером одна и он сказал об этом папе. Папа побежал за ней, а он смотрел на мониторчике, как папа вел ее назад за руку. Вари была хорошей сестрой, но очень упрямой девочкой. Она не бегала как он и не кричала, если ей что-то было нужно. Она просто направлено, не отвлекаясь на что-либо, стараясь незаметно получить привлекающую ее вещь. Пока Вари не получала ее, она не успокаивалась. Только мама умела уговаривать ее изменить решение, а с папой она просто соглашалась на время, а потом все равно шла и по-тихому добивалась своего. Мет очень любил Вари. Такой сестры ни у кого не было. Он специально в садике наблюдал за другими девочками и пришел к выводу, что его сестра самая умная, упрямая и уверенная.

Вот и в лес она тогда пошла специально и теперь пока не попадет туда, зачем ей нужно, не перестанет пытаться. А сейчас Вари лежала рядом с ним в своей качалке и задирая голову, смотрела на россыпи звезд в черном небе. А он, пыхтя от усердия и тяжести, смотрел в монитор бинокля. Звезды были на нем ярче и почти рядом.

– Вон смотрите!!! – вдруг крикнул папа и вытянул руку

в сторону белой искры прочертившей наискосок световую линию бегущую с неба в лес на том берегу озера. Правда, еще дальше за озером был большой залив, но это было очень далеко от них и ему хотелось, чтобы звездочка упала в их лес. Мет бросил бинокль и уставился на исчезающий световой след в черноте космоса. Вари взмахнула ручками в восторге.

– Одна ... – заныл разочарованно Мет.

– Нет! Вон еще! И вон!! И ... – снова закричал папа и замолк.

По черному небу, часто-часто замелькали полоски летящих к земле искорок. Мет снова уставился в бинокль, напряженно стараясь увидеть в него близко быстро пролетающие и исчезающие искры. Вари усердно развела руки, насколько смогла, стараясь поймать все звезды на небе. Вари замерла с раскинутыми руками, не вместив все пролетающие звездочки.

– Мы проходим через звездный поток! – сказал папа непонятные слова, как будто их огромная необъятная Аутландия плыла в потоке черных вод космоса, из которых выпрыгивали, сверкая рыбы-звезды.

Мет старался поймать в бинокль "быстрые" звезды, но видел только вспышки, что ослепляли и исчезали на мониторе. Хотя это было достаточно долго, ему удалось всего пару раз увидеть близко яркое «пламя летящей звезды» на мониторе. Потом сразу стало темно. Он покрутил бинокль из стороны в сторону, ища полоски звездного света, но они больше

не пролетали. Он стал опускать бинокль, ощутив, как сводит у него руки от усталости и вдруг в мониторе что-то ярко вспыхнуло как луч его фонарика и погасло! Он быстро поднял бинокль ища всполох летящей звезды, но небо было черным, как и раньше, а Вари сидела вытянув руку в сторону леса за озером и смотря на него, сказала:

– Там!

Он посмотрел туда и увидел, как за кромкой деревьев гасло уходя сияние, словно там уезжала машина, светя фарами из-за деревьев.

– Та-ааам!!! – требовательно повторила Вари, указывая Мету за озеро.

– Папа-папа!!! – Мет стал звать, но не увидел его на веранде. Тогда он резко вскочив, побежал в дом, и чуть не столкнулся с ним несущим поднос с кружками парящего горячего какао.

– Ой!!! Осторожно Мет!!! – сказал папа, уворачиваясь от Мета уже разогнавшегося на коротком отрезке веранды до "сверхсветовой скорости", как папа говорил.

– Все ребята! Падающие звезды на сегодня кончились! Не замерзли? Пьем горячее какао и идем ложиться спать. – продолжил папа, но увидев как Вари все еще напряженно указывала на потемневший лес за озерком, спросил:

– Что милая?

– Тааа-аам!!!!

– Что там?

– Там!!!! Там!!! Там, папа !!! Там светилось!!! – уже закричал Мет помогая, Вари. Папа хотел ответить, но тут от заболоченного берега озера раздался сильный всплеск.

– Ого! Ты крупную рыбу вспугнул Мет! Не знал, что у нас тут есть крупная рыба. Надо проверить ... Завтра! Хотите завтра пойдем ловить эту огромную рыбу?

– Да-да-да!!!! – закричал и запрыгал Мет по веранде в радостном предвкушении ловли "огромной рыбы". Он ловил в аквариуме магазина с папой рыбу и и раков и понимал, чем предлагает папа заняться завтра. А Варя удивленно смотрела на них, и не опуская руку, сказала как глупым, растяжное, но твердое:

– Таа-аяяаа-аяяям!!!!

Папа решил, что она тоже согласна порыбачить завтра, раз показывает в сторону озера. Потом они пили обжигающее сладкое какао! Мет даже вспотел. Вари тоже пила, но настырно смотря в темноту за озеро. Мет стал думать, что за вспышка ярко вспыхнула ему в бинокле и на что Вари так смотрела.

– "Может она видела, то, что я не успел?" – думал он, засыпая и улыбаясь папе подошедшему, поправить ему одеяло и поцеловать его.

Утром Мет проснулся от яркого солнца, светящего из окна прямо ему в глаз. Мет натянул одеяло на голову и вспомнил, что он видел, проснувшись среди ночи. Он проснулся в темноте и лежал с закрытыми глазами. Было тихо. Он по-

степенно открыл глаза. В окно спальни, освещая края кроватей и пушистый «луг» ковра на полу, подсвечивал ночной прожектор на стене дома за окном. К прожектору ночью прилетали ночные бабочки. Той ночью тоже кружило несколько крупных. Папа называл их бражниками. Мет смотрел как один, огромный подлетел к окну и сел на стекло.

"Цык-цык-цык-цыки-цыки-цык ..." – ножками по стеклу застучал большой бражник, как будто просился войти. Заворочалась Вари в своей кровати справа от окна. Бражник перестал стучаться, но стал наливаясь изнутри светом прожектора. Казалось, что у него внутри разгорается лампочка все больше и больше, пока свет не стал выливаться лучом из его тела в сторону спящей Вари. Лучик, как летящая звездочка на небе, попал прямо в Вари, и ярко вспыхнув, ударившись об ее крепкий лоб, исчез, рассыпавшись искрами по всей комнате. Мет вздрогнул, в комнате потемнело. На стекле не было светящегося огромного бражника. За окном все еще подсвечивал в комнату прожектор, но бабочки уже не мелькали вокруг него. Вари перевернулась на другой бок и сладко засопела:

–Баа-аська ...

Мета эта сцена почему-то не удивила, ему только сильнее захотелось спать. Утром он вспомнил все, но не мог понять, снилось ему это во сне или он все-таки просыпался среди ночи. Вари утром проснулась, лежала и смотрела, молча в окно. Она часто так делала, просто лежала и мочала о чем-

то своем. Мет немного подумал об этом, пока мама не стала их звать на завтрак, а папа крикнул громко на весь дом:

– А кто первый позавтракает, тому я дам самую уловистую удочку и он поймает самую большую рыбу, что хотела помешать нам, смотреть на звезды вчера вечером!!!

«Вчера! Рыбалка!!!» – Мет тут же слетел вниз прямо в мамин теплый живот и ласковые руки. Его поцеловали и усадили завтракать. Вари еще только грохотала по ступеням, переваливаясь через них как утка. Мет быстро глотал горячую кашу и трепетал в ожидании «особой уловистой» удочки.

Потом они сидели на мостике над озером и смотрели как ярко блики на волнах играли с поплавками заброшенных папой удочек. Солнце палило еще по-летнему, обжигая кожу. Мет сразу замечал, когда красная палочка его поплавок начинала дергаться, и шепотом звал папу. Папа ловко и резко подсекал и вытаскивал «добычу». Мет так "поймал" двух любознательных лягушек, которые все равно ускакали из его ведра назад в озеро. А Вари просто клевала носом. На ее поплавке по очереди красовались все стрекозки-красавки их пруда, пока папа не спросил ее:

– А где твой поплавок милая?

А Вари ответила:

– Рыба!!!

А папа потянул ее удочку, а та вдруг выгнулась дугой, а папа напрягся.

– Зацеп что ли? – удивился он потянув сильнее. Медленно

он выуживал что-то тяжелое и валкое из озера, пока на поверхности не показалась огромная рыба тупая морда с толстыми губами и торчащими в стороны усиками! Вокруг рыбины обвились водоросли, мешая ей уплыть в глубину.

– Карп! Вари! Ты карпа поймала! – закричал радостно папа.

Вари резко взвизгнула, обняв себя ручками, а Мет вспомнив, что ему говорил папа о выуживании большой рыбы, стремглав сбегал в дом и принес папе большой сачок "подсачник" на длинной палке. Тут уж папа подсунул подсачник под торчащую из тины черную спину карпа и натянув сетку сачка на рыбину вместе с водорослями, потащил всю эту кучу к берегу. Только выволочив на берег огромную рыбину с блестящей золотой чешуей на черных боках, папа выдохнул:

– Ура!!!! Вари и Мет поймали золотого карпа!!!

Мет тоже считал, что он помог ее поймать и потому искренне радовался. Они все кричали и поздравляли друг друга. Карп антрацитово-черный со спины, был с ярко блестящей крупной золотой чешуей по бокам. Карп, переваливаясь с боку на бок в сачке, пускал золотые блики по траве и разевал свой огромный рот с золотыми губами. Папа дал им подолгу подержать тяжелую рыбу. Мет запомнил, какими прохладными была его скользкие бока и как под золотой чешуей волнами перекатывались ее мышцы. Потом они шумной радостно-орущей командой отнесли маме на кухне черно-золотую рыбину, и мама обязалась стготовить к обеду из

нее уху.

Мет радовался, когда увидел на обед в своей тарелке терпко пахнувшей ухи, большой кусок вареной рыбы. Чешуя уже не была такой золотой, но все равно поблескивала золотом. Запах ухи просто заставил его скушать весь мягкий белый кусок, вспоминая какой «золотой на черном» она была. Это был самый прекрасный день тем давним летом.

Пока не наступил вечер.

А вечером, когда солнце начало прятаться за лес, в наступающей с озера прохладе к ним "на уху" приехали в гости знакомые. Детей у знакомых не было и Мет с Вари развлекали себя сами, после короткого совместного ужина снова из ухи из золотого карпа, что они поймали днем. Их хвалили, но родители остались за столом с гостями разговаривать, а их отправили за дом в свой "детский уголок", построенный папой. Мет качался с Вари на качели, толкаясь свешенной к земле ногой. Ярко светила Луна выползшая из-за леса на луг за их домом. Ветерок мягкими порывами гонял по лугу округлые волны отблесков лунного света на зарослях травы. Раскачиваясь и поскрипывая, качель поднимала их вверх к лунному свету и опускала вниз в темноту луга. Мет сверху замечает среди лунных отблесков на лугу узкую темную полосу тропинки, которой раньше он не видел. В уши шепчет ветерок, а в свете Луны на лугу, Мету снова и снова видится темная тропинка, действительно указывающая в лес за озером.

– Смотри, тропинка! – Мет указывает Вари на нее рукой.

Варя смотрит туда, останавливает требовательно качание, сползает с качели и идет "как танк" прямо сквозь траву на луг к тропинке. Она так всегда делает, если ей что-то надо. Мет вспоминает наказ мамы следить за ней, и поспешил нагнать ее по просеке травы раздвигаемой ею.

Вари доходит до темного начала тропинки в траве и встает. Мет чуть не сталкивается с ней. Постояв немного, он решает оставаться старшим братом, берет ее за руку ведет за собой по темному проему тропинки. Варя не выдергивает свою ладошку из его руки, и они идут через луг сквозь волны мерцания лунного света на траве. Они идут:

–Шуурр-шурум! Шуурр-шурум! Шуурр-шууруум!

Мет начинает ощущать в окружающей их темноте что-то такое легкое, на что раньше он бы не обратил внимания. Что-то тепло доверительно касается его в середине груди, и он чувствует разливающиеся внутри теплые волны. Но тепло не как резкие жгучие солнечные лучи, а как глубокое тепло внутри камня на берегу накопившего за длинный, солнечный день и теперь отдающего понемногу всем желающим погреться, среди прохлады вечера.

Они пошли, окатываемые лунными волнами к темнеющим кустам, у подножия леса. Тропа привела их к темному провалу между кустов ведущего дальше, в кромешную тьму под высокими деревьями. Он остановился, и Вари с разбега пихнула его, и он невольно шагнул вместе с ней дальше

в темноту леса. Тут было совсем темно и тихо и постояв немного, им стали видны размытые очертания деревьев, травы и кустов.

Они стояли перед сплошной зелёной стеной папоротника, закрытых сверху кустами. Папоротники зелеными кончиками листы тыкались в его лоб, покачиваясь на тонких ножках, предупреждаяще царапали кожу. Мет наклонил голову, всматривается под мочалку листы. Переступив с ноги на ногу, перехватывает влажную ладошку Вари в другую свою руку, моргает для уверенности и видит бледное свечение вдали в просвете кисеи стеблей.

– Ба-ась-ка! – шепотом восхищается Вари, смотря на свет в траве и стремительно выскользнув из-за его спины, раздвигая траву руками как комбайн, шагает прямо к свету. Мет опять ее нагоняет, царапаясь листьями папоротников. Они продираются под мочалками папоротника и одновременно выходят на открытое место, оказываются в начале борозды сквозь траву нагребенное чем-то до деревьев. В конце, в куче обрывков травы, через наваленные листья, пульсирует бледный свет. Они заморожено приближаются к пятну света и различают, что под травой, лежит светящийся волнами теплого света, огромный бражник. Мохнатый переливающийся волнами орнаментов света бражник в их рост! По его телу волнами перетекают узоры, сбегая на крылья, наполняют светом красивый рисунок на них. Луна освещает щеточку усиков на голове огромной бабочки и начинает казаться, что

это живой свет накапливается на их кончиках, чтобы пульсируя, излучаться в далекое звездное небо над кронами деревьев.

– Бааа-бась-ка! – нежно говорит Вари и протягивает к пульсирующим узорам крыльев свои ладошки. Мет хочет оттолкнуть ее руки от крыльев, но бражник резко раздвигает верхние крылья и начинает часто ими трясти, создавая прямо шквал волн отсвета. Кажется, что световой орнамент сверкает в воздухе вокруг бражника. Во все стороны с него разлетаются клубы ярких искрящихся шариков света легко липнущих на руки Вари и Мет. Теплые и приятные шарики света впитываются в их руки.

– Аааа-ахх! – Вари в восторге поднимает руки в ожерельях света. Вместе с ее вскриком, бражник резко раскрывает крылья, во всю широту сыпая еще большее облако шариков света. Облако, кружась, распадается на спирали и освещая кусты поднимаются вверх к вершинам высоких деревьев. Вари тянет к ним руки и кричит в тишине:

– Бабаськааа!!!!

– "Б начала выговаривать." – думает Мет и тоже смотрит восторженно вверх, наблюдая как шарики, как нанизанные на спирали упруго кружась поднимаются выше самых высоких деревьев и исчезают среди звезд ночного неба.

Свет, впитавшийся в их тела, растворяется в них, бражник тухнет и исчезает, рассыпавшись на шарики света, улетающие к звездам. Темнота охватывает их со всех сторон. Мет

чувствуя, что Вари сейчас начнет реветь, берет ее за руку и потянув, говорит:

– Пойдем домой Вари. Папа обещал фейерверки сегодня пускать.

– Хммм! – фыркает радостно она и идет за ним через ставший не совсем темным и более приятным лес, через поле к их качелям. И тут у качелей, они слышат, как папа зовет их:

– Мет! Ваари-ии!! А кто нам фейерверк будет поджигать?! Мы только вас ждём!

И они стремглав несутся к дому, топчут бешеными скакунами через освещенный коридор в заднюю дверь, выскакивают на веранду, с нее спрыгивают на лужайку, выбегают на мостик, где они поймали вчера золотого карпа с черной спиной, и врзаясь в стулья с папой, мамой и гостями, наконец останавливаются. Папа встаёт и ведет их запыхавшихся на край мостика к цветастой коробке. Это коробка с фейерверками! Мет смотрит на картинки блестящих фейерверков на ее боках и хватает большую «костровую» спичку подаваемую папой.

– Аааа-амммеее...– ноет Вари, клянча и себе большую спичку с бордовой головкой, но сзади ее подхватывает мама и целуя уносит к себе на стул и та сверкнув жадным глазом на спички, затихает в маминых теплых объятьях.

– Ну! Мет, поджигай! Аккуратно, как учил. – Говорит папа, поднося ему коробок. Руки перестают мелко трястись от волнения и Мет аккуратно подносит спичку головкой к чер-

кашу на боку коробки, наклоняет ее под нужным углом, как папа учил, и быстро ведет головкой по шершавой поверхности, несильно нажимая.

–Шшшшш-шшмыккк! – вспыхивает огонь на конце спички. Мет замирает, задерживая дыхание. Огонек разгорается, и он медленно подносит его к концу пестрого шнура торчащего из коробки. Шнурок искрит и загорается. Папа хватается Мет в охапку и бежит с ним на свой стул рядом с мамой и Вари. Мет сидя на папиных коленях, замирая, смотрит на сноп искр на конце шнура, подбирающегося все ближе и ближе к коробке. Из-за облаков выглядывает Луна и от нее бегут световые блики дорожкой к их мостику, как будто Луна тоже решила посмотреть на фейерверк. Искры ныряют в коробку, и раздается первый оглушительный:

– Хлопп! Баа-ааххх!!!

К Луне летит, искря звездочка, хлопает разрывом в разные стороны в вышине, раскрывается падающим шуршащим зонтом золотых искр первая петарда.

– Ба-ба-съкаааа!!! -кричит Вари и все кричат- Ура!!!!

И тут начинают хлопать и раскрываться зонтами и цветами в небе разноцветные золотые и цветные огни следующих и следующих петард:

–Бах! Ба-бахх!!! Хлоп! Ба-бах!!! Хлоп!! Хлоп!!! – гремит и сверкает звездами феерверка небо.

– Папа!! Смотри-смотри!! Звездопад летит на небо!! – кричит Мет папе. А тот, округлив притворно глаза, кричит

ему в ответ:

– Мы возвращаем упавшие звезды домой, на небо!!!
Ура!!! Ура!!! Ура!!!

Все кричат, небо гремит хлопками и сверкает яркими цветными вспышками. Мет устает кричать и тут хлопает последний самый большой золотой зонтик, и они пораженно смотрят, как сверкающие искры фейерверка медленно опадают, словно огораживая золотой сеткой, озеро с лесом и их домом на его берегу, от окружающей непроницаемой тьмы. Опадает сетка света, прячась в траве и волнах озера, сверкнув отблесками на волнах. Мама уводит Мету и хныкающую Вари в спальню. Немного сидит с ними, счастливо смотря на них, гладит Вари по голове, пока та не засыпает. Целует Мету. Мет улыбается, закрывает глаза, твердо решив, что на сегодня ему хватит звезд и бабочек, да и спать уже сильно хочется.

Ночью ему приснился тот странный сон. По широкой улице шли не то люди, не то бражники в серых длинных накидках со светящимися узорами. Под накидками светились золотые одежды с узкими полосками узоров ведущих в какие-то другие пространства мира.

Гл.2 Туманы

Мет проснулся от необычного ощущения внутри, но он не вскочил как обычно с кровати и не поскакал по лестнице вниз к умывальнику, а продолжал лежать с открытыми глазами и вслушиваться в тишину спящего дома. За окном было белым- бело, все было закрыто как молочной завесой, сквозь которую ничего не проглядывалось из внешнего мира. Не было ни видно обычных очертаний гонимых ветром кудрявых облаков на синем небе, ни проблесков восходящего солнца, ни леса с озером с большими крикливыми птицами, летящими над ним на залив. Ничего не было, был только ровный белый свет, заменивший весь яркий вчерашний мир. Белый свет заглушал и все звуки. Через белую вату его едва слышались с первого этажа дома поскрипывания ходящих внизу родителей.

– "Наверное, еще очень рано и папа собирается на работу" – подумал Мет. Он знал, что папа встает еще до восхода и в предрассветной серости, стараясь не шуметь, собирает свои документы и устройства, быстро завтракает и уезжает на большой машине.

Мет высунул руку из-под одеяла до кисти и потрогал пальцами воздух. Воздух оказался теплым. Тогда он смело вытащил всю руку, стащив одеяло с груди, оценив температуру воздуха как приемлемую, сразу уселся в кровати, свесив но-

ги на пол.

Посмотрел в окно он, не увидев ничего, кроме липкого матового белого света, удивился странному утру. Везде, только белый-белый свет, как белый листок бумаги, на котором Солнце, Луна и темнота забыли нарисовать утро нового дня в деталях и мир, такой красочный вчера вечером, не был создан этим утром.

Мета заинтересовала идея еще не созданного мира, и он подошел к окну посмотреть через него на улицу. Выглянул, сощурился, закрыл глаза. Открыв глаза, снова увидел только белый свет. Ни их берега, ни мостка на озере перед домом, ни самого озера, ни леса на дальнем берегу его, ничего не существовало. Только белый-белый свет. Он стоял перед окном, опешив, не решаясь принять то, что видел и думал:

– А как же лес и золотые карпы в озере и бражники в лесу? А как же ночь?! Я, что проснулся сегодня слишком рано, когда мир вокруг еще не был сотворен?! – и тут он снова услышал знакомые поскрипывания снизу.

– "Это папа ходит! Или может это белый свет, скрипя большим белым ластиком, стирает уже и наш дом?!" – испуганно пробежала в его голове дурацкая мысль и, испугавшись самой себя, спряталась куда-то на задворках его сознания.

И тут снизу раздался негромкий мамин голос:

– Ах, я лентяйка, забыла вчера убрать в дом грязную посуду со стола на улице!

– Ничего, туман все помыл уже как моечной машине.

Смотри как навалился. – ответил ей тоже тихо, папин голос.

Оглушительно хлопнула входная дверь внизу, смело разрывая белую тишину. Снизу раздалось шуршание легких маминых шагов по траве.

– Ай-ай! Какая роса, мокрая!

Мет всмотрелся вниз и ... увидел как сквозь белые облака, показывается и скрывается мамина голова идущей от дома то ныряя под белое одеяло, то снова выныривая из него до яркого цветного воротника на мамином платье и снова исчезая в облаке. Послышалось глухое бряканье посуды собираемой в стопки.

– Тю-mmm-ан? – внезапно услышал Мет под боком голос Вари и вздрогнул. Вари стояла на цыпочках рядом и пыхтя от усердия, вцепившись кончиками пальцев за подоконник, тянулась тоже увидеть, что он там видит.

– Мама, Вари собирает посуду со стола и ее еле видно в тумане. – ответил ей Мет.

А за окном внезапно замелькали испуганно, рассекая белую сплошную стену тумана стремительные косые прорези участков берега, мостков и деревьев. Как будто тот, их вчерашний мир, узнав, что он им так нужен и так вчера понравился, радостно прорывался сквозь это белое безмирье к ним. Показалось, что туман испугался голосов людей и стал стремительно убегать.

– Ветерок! Сейчас же сдуй это молоко! А то я не вижу куда идти в дом! – раздался снизу требовательный мамин голос.

Косые рыхлые разрывы замелькали чаще и слепящая белизна, разрываясь косыми лоскутами, наконец, соскользнула вся куда-то вправо, пугливо сжавшись белой ватой в углах леса и низинах озера и луга, открыла их мир. Отрылся стол с большой стопкой посуды, стулья на берегу, с которого ступал в озеро их мосток, где вчера днем был пойман золотой карп, а вечером в темное небо взлетали звезды фейерверков. Мама, наклонилась над столом, подняла тяжелую стопку собранных тарелок, но охнула, брякнула их обратно и резко опустилась на стоявший рядом стул, хватаясь за поясницу и болезненно выдохнула:

– Аааа... черт! Спина!

– Мама! Бойно! – выдохнула Вари, упруго оттолкнулась от окна и шлепая тапками, скатилась по ступеням вниз на первый этаж. Хлопнула входная дверь и Мет увидел, как Вари уже на берегу подбежала к маме и прижала ладошку к ее пояснице. Мама охнула, накрыла ее маленькую ладошку своей большой:

– Ах! Тепло то как! – сказала она разгибая спину и целуя Варю.

– Ах ты моя целительница! Сразу боль ушла!!!

Вари с очень серьезным лицом приложила и вторую свою ладошку на мамину поясницу. С озера подкралась белая стена тумана и все снова скрыла белым светом. Мет пошел в вниз на кухню и остановился, вдыхая запахами горячего хлеба, масла и какао. С улицы вошли, мама вместе с Вари, идущие

щей за ней шаг-в-шаг и не отрывая свои ладошки с маминой поясницы. Они поставили тарелки в раковину.

– А вот и Мет! – мама поцеловала его в щеку.

– «Маленькая еще, а так гордо смотрит, как будто спасла маму от опасности». – думает Мет смотря на сияющую Вари, но говорит ей, что Вари молодец и ладошки у нее всегда горячущие как две печьки. Вари снимает ладони с маминой поясницы, довольная помахивает ими перед лицом Метта и вспрыгивает на свой стул.

Весь завтрак Мет молчит, а Вари гордо улыбается. Мама рассказывает, что сегодня повезет их в новый садик на своей маленькой красной машине. Ехать с мамой весело. Вот они уже едут и смотрят в окно на убегающие деревья вокруг их озера, а мама болтает по телефону с папой, уже уехавшим на работу раньше всех на своей большой машине:

– Да, мне как грелку на поясницу положили и сразу боль ушла. Нет. Я повернулась, а это Вари ладошками греет мне спину! Представляешь, как мой папа мне грел в детстве? Прямо как он на самом деле. Ну ... нет. Я знаю, что ты с ним не ладишь, но вот Вари погрела меня и я вспомнила, как он в детстве меня грел теплом своих больших ладоней. Да, также своими руками. Нет, мне самой лень ... Нет, это так не делается! Ты многого не знаешь. Все-все! Целую! До вечера!

Закончив разговор, она поворачивается, чмокает в них обоих «воздушными поцелуями», улыбается и они едут дальше. Мет смотрит на поднимающиеся огромные маши-

ны-механизмы дамбы большого залива, на ветвящиеся ветви-развязки и хребты эстакад. Мет, вспомнив про белый туман, спрашивает Вари:

– Вари, ты как маму лечила?

– Баа-баська! – говорит она, снова вскидывая перед ним свои мозаично покрасневшие ладошки.

– Бабушка далеко ... – говорит Мет и вспоминает тропинку среди волн света на лугу, вчерашнего огромного бражника в траве, шарики света, прилипающие к их рукам и улетевшие к звездам, огонек спички, искры и хлопки взлетающих фейерверков, сетку из падающих искр золотых взрывов. Вспомнил, как они болтают в кроватях с Вари о "бабоське" в темном лесу. Вспомнив, он чувствует, как в нем этот пестрый калейдоскоп событий собирается во что-то цельное, теплое и родное и понятное и ему становится уверенней и спокойней.

– Баабаська это бабочка?

– Даааа! – отвечает Вари и удивленно смотрит на него. Мет ощущает ее немой ментальный вопрос и ему даже кажется, что он услышал ее слова, но вопрос в его уме возник раньше и он отвечает ей:

– Бражник отдал тебе свое тепло? Ты им, маму лечила?

По лицу Вари мелькает хитрющая улыбка, она торжественно показывает «дураку» язык! Мет смеется, Вар ему вторит, они довольные своей тайной, едут дальше в новый садик, улыбаясь огромному заливу с игрой перекачиваю-

щихся солнечных бликов на волнах.

Новый садик был почти таким же, как и старый, он просто находился ближе к их дому и был как раз по дороге на работу родителей. Садик был внутри двора высоченной «колодец высотки». Внутри ее двора не было ветра и было теплее прибрежными хмурыми утрами, ну и еще площадки для групп были шире, чем в старом их садике. Мету понравилась площадка его «старшей» группы. На ней было много игровых домиков и горок, как в маленьком городке.

После обеда Мет гулял на своей площадке и присматривал, как на соседней гуляет Вари. Хотел ее позвать, но тут большой мальчишка из ее группы выхватил у Вари куклу, отбежал и стал дразниться. Раньше, в старом садике все площадки разгораживали стены из высоких кустов, а тут были только узкие и низкие клумбы с цветами, через которые было легко перепрыгнуть. Мет пошел, убыстряясь, намереваясь, перепрыгнуть клумбу, и «дать леща» дураку, обижавшего его сестренку, но остановился, ощутив накатившую от Вари волну злого напряжения. Вари уже наклонила голову "набычиваясь". Обычно так она начинала плакать, и Мет уже хотел закричать на обидчика, но почувствовал, что сегодня Вари совсем не собирается плакать. Он замер, ощущая, как она твердит про себя невнятное и злое этому пацану. Он не мог понять, что она говорит, но ощущал сердитое и непреклонное желание сделать обидчику плохо. Пацан внезапно споткнулся на ровном месте чуть, не упав, скрючился, обхваты-

вая живот. А Вари все продолжала "наговаривать яростные злые слова" ему. Мету показалось, как она говорит про себя:

– Ужаль злые осики его сильна в живот! Плачь плаахой ... тебе боольнаа!

Здоровый мальчик согнулся еще сильнее, выронил куклы и сначала завыл, а потом стал кричать истеря:

– Ааааа!!! Осы!!! Осы!!! Ааа-ааа! Больно!!

К нему тутже подбежала воспитательница их группы и осмотрев его, потащила в здание садика. Вари подобрала свою брошенную куклу и спокойно пошла играть. Мет вместе с Вари расслабился, улыбнувшись, повернулся, шагнул и уткнулся в «свою» воспитательницу его группы.

– Мальчик! Что ты замер? Зачем? Иди милый играть ... Я тебе говорю! Быстро!!!

Она старалась говорить по-доброму, но Мет ощутил ее злость и неприятное раздражение. Он отвернулся от нее и полез на горку. Скатываясь с горки, он отвлекся от продолжающей гневно смотреть на него воспитательницы и не успел убрать руку от торчащей в конце горки острой железки. Было не очень больно, но царапина наполнилась кровью. Мет, не задумываясь, накрыл место пореза своей ладошкой.

–Что у тебя там?! Вот на мою голову неумехи ... – противным елейным голоском испуганно вскрикнула воспитательница, хватая его за руку. Мет выдернул руку сказав:

– "Ничего! – отвернулся и залез в маленький домик на участке, куда не могла пролезть воспитательница. Там он сел

и поводя над царапиной ладошкой другой руки, стал тихо приговаривать:

– "Не болит и не кровит, ручка ручку быстро-быстро заживит."

Он не слышал этой скороговорки раньше и сейчас не знал, почему он ее «вспомнил» так ясно и зачем он это говорит и зачем водит ладонью над царапиной. Он начал думать об этом, но боль в царапине исчезла, а ранка стала суше, стянулась жесткой корочкой застывающей крови. Повторяя скороговорку, Мет пальцами стал сильнее стягивать кожу на ранке, закрывая царапину. На краю ранки выступили желтоватые капельки сукровицы, высыхая и склеиваясь в толстую защитную корочку над царапиной. Через минут пять, ранка стала тонкой-тонкой красной ниточкой застывшей крови и сукровицы и почти перестала болеть. Поводив еще вдоль царапины ладошкой, он вылез из домика и встретил поджидающую его воспитательницу, сказал ей на ее немой взгляд:

– Ничего!

Та фыркнула как злая кошка, что жила в старом садике и резко отвернувшись, ушла к своему столу. Мет удивленно посмотрел в ее сторону, не понимая, что ее так злит и пошел к песочнице, в которой играли два пацана. Он подошел к ним с улыбкой и поздоровался, как велел ему папа:

– Привет! Я Мет! Я только что поцарапался на горке и зыкайте какая у меня царапина! Я не плакал, я сам ее закрыл! – сказал он, показывая им ее.

Пацаны с уважением к его стойкости, посмотрели и назвавшись Вовкой и Джали, предложили ему играть с ними в "песошке".

– Здорово! Я умею строить большие зыкинские замки! Но боюсь "набить грязи" в царапину. – сказал Мет и молча «про себя сказал» им, что он научит их строить по-зыковски.

Пацаны переглянулись и сказали:

– Покажи!

До обеда Мет, не поцарапанной рукой показывал им, куда устанавливать палочки-перемычки и как рыть под ними "большушие" проходы, чтобы они не обваливались. Все-му этому его научил папа, но Мет теперь руководил двумя "строителями замков" и ему некогда было пояснять такие мелочи. Несколько раз их проверяла злючка-воспитательница, фыркала и уходила.

Обед Мету понравился, тут кормили вкуснее и порции были больше. После обеда они с Вари пару раз встречались у границы участка и болтали о своих новостях. Ее обидчика не было видно и у нее появились две подружайки с которыми она играли в "дочки-матери". До вечера Мет просто бегал и играл в войнушку со своими друзьями.

Вечером после ужина мама позвонила, предупреждая, что задерживается. Всех детей быстро забрали, а Мет сидел в раздевалке и увлеченно качал ногой, ожидая маму. Забежала его воспитательница и стал зло ругать его, что он сам не одевается. Кинула ему его курточку и толкнула его к выхо-

ду. Когда она его коснулась, ему увиделось, как она едет по магистрали и злится на дядю, с которым хочет надеть белое платье, но тот "все медлит и медлит и все время глупо врет ей". Ее это сильно оскорбляло и от этого она еще сильнее злилась, а Мет увидел, как того мужчину встречает другая женщина с девочкой и если злюка-воспитательница узнает о ней, то заставит девочку плакать. Та девочка очень напомнила его Вари, и он в одном порыве внутри себя, сказал твердое "Нет!" этому всему и "мультик" откатился назад к самому своему началу где воспитательница едет по магистрали. Мет сказал про себя злюке "Нет!" еще тверже, и увидел мелкие кусочки на дороге и дым, машину скорой помощи у обочины дороги. Он вздрогнул и его затрясло.

– Что ты трясешься, малахольный?! – проорали ему в ухо. Это была воспитательница-злючка, но и тут он ей сказал твердо:

– Нет!

А она замерла испуганно с открытым ртом, как бы поняв то, что он увидел "про себя" о ней, дернулась зло и тут вошла мама:

– Ой, простите, там, на дороге пробка! Мет, быстро одеваемся, забираем Вари и поехали!

Все закрутилось сразу быстро-быстро и через пять минут они уже ехали домой, слушая маму и рассказывая ей, как им жилось в новом садике в первый день. Все радовались и смеялись, а Мет забыл о злючке-воспитательнице и увиденной

им ее дороге. Да и ее он позже не встречал в садике больше никогда.

У Мета этот садик был последним перед школой. Оставалась еще одна длинная неделя и мама его мучила многочисленными примерками рюкзаков и форм. Сегодня утром в последний день перед школой, Вари разбудила его, встав раньше, и строго сказала:

– Она идет!!

– Кто идет?

Она стала ему рассказывать на своем детском наречии о том, что ей ночью приснилась злойка-тетутка болотизная. Сбивчиво и часто грустно вздыхая, она рассказывала:

– Злая тетузка идет и вдыхает воруя их лунный свет на их лугу. А за ней трава корычневая мрется скрбчиваясь. Злойка-тетузка улыбаеяся, а из глаз ползут черенные чевякы. Гадкие чевяки ползут к ним, хотят пить у них свет шариков бабаськи! Злойка выпила весь свет с луга, но не может залепить светом черную дыру у ней в своей груди. Пьётся и пьётся и идет к ним на качели! Вдруг!! Вышел дедушка!! ("он приходил» к ним" когда они болели).

Мет стал переводить себе: «– Вышел дедушка, он всегда им помогал, но сегодня дедушка был не совсем добрым. Он встал между ними и тетуской и из его рук ударил острый луч огня в злойку. Злая тетуска рычит-крычит и у нее скручивается и отваливается кожа, как падала бурая замерзшая трава на лугу. Тетзка живо отпрыгивает в сторону и бежит к озе-

ру. выбежала на него и заскользила по замерзающему льду! Дедушка кинул вдогонку ей еще клинок огня! Лед клинком плавится, расходясь и выпуская воду наверх заскользила вдогонку за злокой, но та уже убежала за озеро и через лес дальше и дальше. А дедушка махнул руками по кругу их земли, и запылали высокая стена живого огня! Все! Я проснулась!»

Вари встала и посмотрев в окно воскликнула:

– Злюкая убезала! Насе осеро замаросилаа!!! Злюка исезала!!! Дедуска ее не догнал!!!

Мет подбежал к окну и увидел, что весь их берег в белом кружеве изморози, а озеро покрыто тонким льдом, поблескивающими красноватыми отблесками в лучах восходящего солнца. Еще вчера был теплый вечер, и он пили какао на веранде и вот сегодня все заморожено. Весь лед был в прямых линиях изломов, а посередине озера от их мостка к лесу идет токая косая линия смерзшегося льда как стрелка, указывающая на далекий залив!

Ранний заморозок! – сказал папа за завтраком. Сегодня был выходной, и он был дома. Мет и Вари переглянулись. Они знали, что это злая тетушка приходила за их светом, но дедушка прогнал ее.

Гл.3 Дом на заливе

За завтраком папа сказал, что сегодня будет прекрасный день для поездки на море всей семьей:

– Предлагаю до обеда погулять по пляжу залива. На обед заехать в гости к нашим знакомым. Дом у них стоит в соснах и имеет смотровую площадку. С нее они говорили, прекрасный вид на залив.

Мет смутно помнил как они купались летом в заливе и потому не испытывал бурного восторга. Залив был не глубоким у берега, берег вонял гнилыми водорослями, и не было настоящих морских волн, так ожидаемых Метом.

Когда они поехали, оказалось, что это они едут именно в ту сторону, куда убегала тётка-злючка, он вообще загрустил, а с ним, почувствовав его настроение и Вари. Так они и приехали на пляж обрамленный по берегу холмами поросшими сосновым лесом. Родители радовались "как дети", а дети были тихими и серьезными "как взрослые". Но на длинном и почти пустынном пляже согретым теплым солнцем и напоенным чистым солоноватым воздухом, бриз очистил их и сдул всю хмурь с них. Песок был теплым, море приветливым, камешки были интересными и блестящими, а чайки что-то им громко кричали. Они весело поиграли с родителями в бадминтон, побегали в догонялки и покидались сосновыми шишками, совсем забыв и о злючке и о внезапном утреннем

заморозке.

Солнце было в зените и хорошо припекало, когда они, отъехав совсем немного по пляжу, приехали к угловатому дому, возвышавшемуся на песчаном холме над рощицей сосен. Этот и был дом знакомых их родителей. Дом был похож на стеклянный треугольный корабль с острым угловатым носом, стремящимся в море, как будто хотел уплыть за горизонт волн в океан, но только сосны его держали его на берегу.

Обед им накрыли на втором стеклянном этаже в "носу дома-корабля», откуда были хорошо видны за верхушками сосен волны залива. Папа хвалил удачное расположение дома и красивые виды с его стеклянного "капитанского мостика" – гостиной. Знакомые, соглашались, но сказали, что с крыши виды еще лучше, но сегодня ночью внезапно подул очень холодный ветер с побережья и сейчас наверху очень холодно для просмотра, особенно для детей. И добавили, что странно, что их дом внутри весь как-то сразу заиндевел. Отопление почему-то с утра не включается и если бы не солнечный день, то и тут на втором «солнечном этаже, было бы холодновато. Они вызвали специалистов, но из-за выходного они пообещали приехать починить энергоустановку только завтра к вечеру. Мет и Вари переглянулись и Вари прошептала: –Злюська!

После красивого и вкусного обеда, им разрешили побродить и даже побегать по дому. У знакомых не было детей и внутри дома было просторно для беготни и игр. В пустом

и гулком пространстве этажей, где теперь гуляли холодные сквозняки, они сбегали на крышу, побывали на втором и первом этажах и пробежав через гараж, встали у двери в подвал с энергоустановкой. Здесь было намного холоднее, чем в остальном доме. Ко всему от самой двери почему-то несло холодной вымораживающей опасностью. Они стояли и не могли решиться идти им в подвал или вернуться на второй этаж, где много солнца и тепла. Но в этот момент в узкие прорези гаражных окон заглянул мощный луч заката, пробившийся между серыми облаками над заливом. Вари вскинула ладошки и подняв руки и встав на цыпочки, блаженно улыбаясь, впитывала тепло. Мет просто смотрел и смотрел на солнце, не мигая, как будто хотел дать ему согреть себя изнутри. Солнце насытило их обоих светом до "краев" и они, ощутив в себе его непобедимое тепло, одновременно потянули холодные ручки двери подвала на себя.

Внутри было пусто, темно и еще холоднее, чем в гараже. Пара блеклых как замерзших настенных светильников едва освещали грани лестницы, ведущей вниз к котлу отопления. На пульте управления котла, ярко и тревожно моргал красный символ. Мет уже знал от папы, что это система управления указывала, что нужно коснуться этого знака на сенсорной панели для устранения неисправности и активации включения системы отопления. Поминутно оглядываясь, они спустились к пульту и Мет тапнул на "указанный" системой символ. В установке зажужжали сервоприво-

ды, лязгнули заслонки и раздался длинный вздох. Символ снова покраснел и заморгал призывно. Мет еще раз тапнул по нему, помня, как папа говорил, что «иногда с первого раза не запускается». Жужжание, скрежет и вздох. Резко потянуло холодом сзади из-за угла установки. Они выглянули и оцепенели от холода и колючих ледящих глаз тетки-злючки, висевшей в воздухе как привидение и закрывающей обледенелую воздушную заслонку установки. Замерзшие кусочки ледяных глаз на покрытом обгорелом черепе, это все что напоминало в ней о человеке. Вместо тела висели обмерзшие сосульками ошметки кожи и черного тряпья. Остатки кривых сосулук-зубов в пасти "рта" дробно постукивали. Злючка раскрыла свою пасть и жадно потянула их тепло из детей в себя. Стало просто больно от холодна! Вари схватила за руку Мет и сказала:

– Грей сердце!

Мет, сопротивляясь высасыванию тепла из своего тела, в порыве возродившейся ярости, закрыл глаза и "проник" сознанием внутрь обледенело тела ледяной тетки. Внутри теплым не было ничего и он "пошел" дальше к ее сердцу. Он увидел кусок льда внутри где должно было быть ее сердце, в котором едва ощущалась жизнь. Там дул промозглый ветер вместо горячего биения крови. "Он вошел" в него и увидел злючку совсем маленькой. Он увидел как ее мама, похоронившая мужа, озлобилась на весь мир, наказывая за то, что ей не досталось галстука в школе, запирает ее голую в хо-

лодный сарай. В сарае было морозно, грязно и воняло гнилой картошкой. Дворовые дети сквозь щели досок смотрели на нее и смялись, показывая пальцами. Еще Мет увидел как злючку с сестрой и старшим братом мать, отчаявшись найти работу и питание, ведет к реке, собираясь топить их как малых щенят. На берегу им встретились люди и отговорили мать, дав им хлеба. Он "видит" как старший брат, оставшись без материнского внимания, научился "пить" тепло людей, начав со своих сестер, не желая умирать в голодную послевоенную зиму. Среднюю сестру брат "пил" всю ее жизнь, просто испытывая "холод и голод", а она младшая, убегала от них и так и стала жить одна как могла, без любви и живого тепла.

Ему стало до боли жалко ее, но он уже почти не ощущает в себе тепла, чтобы помочь ей. Он стал искать тепло и почувствовал его от Вари, через ладонь. Из ее ладони в него потек обжигающий поток тепла и света. Наполняя и согревая его изнутри, свет выплеснулся и мощным потоком ударил во льдину, внутри которой серым вымороженным сухим куском мяса умирало сердце злючки. Свет протопив в ледяной корке отверстие, устремился внутрь. Сухая вымороженная серость стала светиться изнутри и розоветь. Поток тепла протопил отверстие еще шире и потек внутрь мощнее. Серый кусок сердца злучки порозовел и вздрогнул. По ледяной корке от удара разбежались трещинки. Сердце вздрогнуло еще, и раздался первый, еще слабый дребезжащий удар "заржавевшего колокола". Свет наполнил сердце захлесты-

вая его изнутри.

– Дум-ццц! – "ударил колокол" еще раз и сильнее, звонче, раскалывая корку раскидывая куски льда!

– Ааааа! – страшно закричала злючка и выдохнула пар из своей гнилой пасти.

– АААаа-ааааа!! – снова закричала еще страшнее она и копна ее смерзшегося тела свалилась на пол, треснув пополам от этого выдоха.

– Думмм-цц!! Думцц! Думц! Ду-ммм! Думм-думм! Думм-думм! ... – стало биться ее сердце все сильнее и мягче.

– Аааа-ааа! – начала хрипеть злючка, вся содрогаясь и исходя волнами сырого пара. Весело по-весеннему закапало с ее сосулук. Копна "тела" стала размываться талой водой растекаться по полу грязными потеками. Хрустнула заслонка на установке и внутри ее в такт биения отогревающегося сердца, запыхтели, раскручиваемые потоками воздуха пламя форсунок. Кучка серых тряпок и кусков льда таяла и растекалась лужицами на полу. Злючка исчезала, оставив после себя, только мокрую кучку грязных тряпок. В установке торжествующе загудело пламя, распространяя вокруг себя горячие волны жара и света.

Мет прежде чем "выпал" из "смотрения" в физическую реальность, "услышал и увидел" как злючка улыбается остатками десен шепча- "Спасибо..! Я согрелась..." и истончаясь превратилась в быстро рассеивающееся белое облачко пара.

Теперь он ощущал не только появившееся тепло установ-

ки, но и жар "присутствия" дедушки с ними и еще кроме него чье-то совсем слабое "прикосновение". Дедушка всегда ощущался как волны накатывающегося жара, накрывающие их при болезнях и проблемах, а вот новое другое присутствие, ему не было знакомым и он едва его отделял от мощности дедушкиного тепла. Он не стал искать от кого оно идет и зачем оно "прикоснулось" к нему.

– Побезалии-иии! – весело крикнула Вари и устремилась на выход из подвала.

Они успели еще насмотреться со смотровой площадки крыши дома-корабля на перекатывания красного заката на длинных волнах залива, когда их, наконец «нашли» родители и хозяева дома. Они постояли на крыше вместе с ними, пока солнце не "нырнуло" в залив и небо не стало темнеть, высвечиваясь звездами. Потом их везли в темноте домой. Родители говорили о капризах искусственного интеллекта теплоустановки, а Мет и Вари подпевали песне по радио:

– "...И все, что им нужно, это только любовь! И все что им нужно это только любовь!!! И я говорю ему- я люблю тебя-яяя ....".

Гл.4 Предок в соснах

Перед сном папа показал Мету, как укреплять организм, закаливая его контрастным душем. Сначала Мета поливали упругими струями терпимо холодной воды, и тело напряглось, но сразу после холодной, поливали почти горячей водой, и тело стремительно нагрелось и глубоко расслабилось. Потом все повторили еще три раза. Если первый раз он вскрикивал и морщился от холодной, то третий раз уже смеялся от ее животворного действия. После третьей перемены обливаний, он растертый полотенцем и завернутый в сухое и пушистое, уже дремал на руках отца. Как только его положили в кровать, он сразу свалился в сон.

Он действительно начал засыпать, но в этот раз он как будто стремительно опускался в глубину и темноту. Был у него в прошлом такой пугающий опыт, когда его научили плавать. Раз научившись плавать, он купался от рассвета до самого заката, пока его не начинали звать вылезать сохнуть и идти ужинать. Но один раз он решил напоследок еще и проверить как это «погружаются под воду во тьму глубин», как папа говорил. Вдохнув и задержав дыхание, он плавно, ногами вниз позволил телу начать опускаться в глубину. Плавно заскользив под воду, он открыл глаза и посмотрел вниз. Он увидел под ногами темно-зеленоватую мглу, пронзаемую мерцающими бликами косых лучей заката пробившихся под воду.

Глубина казалась всепоглощающей для света, шевелящейся стеной живых теней. Тени эти не пугали его.

"Там просто меньше света и нечему отражаться"— сказал он себе папины слова. Мет расслабился, перестав удерживать себя на плаву и не гребя под себя руками "по-собачьи", позволил телу начать медленно опускаться вниз в темно-зеленую тьму. С начала его тело плавно всплыло поплавром над поверхностью, и он ощутил, как его затылок над водой, пригладил прохладный ветерок. Страх, сдутый напутствием ветерка, унесло, напомнив ему, что есть вода и мрак внизу, но всегда есть здесь и верх с воздухом и солнцем, куда ты можешь вернуться. Через секунду, плавучесть тела сменилась на медленное погружение вниз под воду. Мерцающая перебивками света и тьмы толща воды на дне уже не пугала, а скорее интересовала его скрытой внизу тайной. Позволив, опустится телу в самую темноту и охватившей его со всех сторон, так что свет с поверхности едва мерцал где-то вверху, он почувствовал легкую боль и давление внутри ушей. Плавно поведя руками и расставив их по сторонам, медленно отгребая вверх, остановил погружение и завис посреди темноты. Зеленоватая перетекающая мгла молча, обступила его, выдавливая из него все светлое. Вместе со светом внутри затихли и "отзвуки" людской суеты жизни наверху, всплесков человеческих эмоциональных переживаний без конца звучащие в нем там под солнцем. Почти все в нем успокоилось и в принципе ему стало спокойно и уравновешено, и если бы он мог

долго не дышать, висел бы тут сутками, наверное. Постепенно позывы тела в новой порции воздуха стали назойливей и он, плавно-плавно подгребая под себя руками и ногами, всплыл на поверхность и спокойно выдохнул и вдохнул воздуха. Над водой, ослепленный после темноты, лучами заката, Мет различил отца, глядящего на него с мостка, и зовущего его выходить.

Сегодня Мет мягко нырнул в сон, как тогда в глубину. Опустившись в глубину беспамятства, завис в бездумье. Немного повисев, стал плавно всплывать в поверхностные слои своего сознания. Пространство сознания, после прохладного душа было неглубоким, легким и ясным. Вспомнив выныривание, он во сне "открыл глаза" чтобы увидеть все, что находится над "поверхностью глубины погружения в сон".

Еще секунда и он увидел себя в ночном лесу. В черной мгле лес проявился, покачивающимся частоколом гладких высоченных сосновых стволов. В вышине звезд, за шуршанием сосновых ветвей светила полная Луна. Пластинки сосновой коры шершаво отсвечивали желтыми лунными бликами, как чешуя на шеях гигантских драконов.

Мет смотрел на мерное качание «сосновых драконов» на ветру и живую игру лунных узоров на их чешуе, и вдруг увидел, как из-за мерного движения лунных узоров стал отделяться в самостоятельный силуэт, контур человеческого тела. Отделяясь от узоров сосен -драконов, узоры света сви-

лись в высокую стройную фигуру плечистого старца в накидке с капюшоном. Старец не пугал Мете своим плавным появлением из лунных бликов на соснах. В Мете была уверенность, что старец давно-давно ждет его здесь, среди этого древнего места под старой Луной.

Высокий и стройный, как сосны, из которых он вышел, старец выглядел даже худым, но при этом от его широкоплечей фигуры веяло силой и уверенностью. Со спокойного лица старца, на котором прямой длинный нос разделял ясные искрящиеся голубые глаза, на Мете светилось сосредоточенное и доброе внимание. Мосластые жилистые руки, старца опирались на рукоять меча, переливающегося в бликах Луны и острым концом погруженного в серебристую перину ягеля под его ногами. Стелющиеся туман белесого мха заполняли весь сосновый бор-беломошник на древних белых песках где-то очень далеко от того мира, где жил Мет.

– До-обрагО зда-Оровья, внучОк! – раздался чеканный глас старца и рикошета гулкими ударами эха между сосен с гудением поднимался ввысь.

– Здравствуйте ... – ответил Мет на всякий случай, не понимая, правильно ли он отвечает.

– Ну ка! ПАасмА-АтТрю на табя! Как звАт-величАт рОдители твои тебя мАлеЦ! Шо эт за местА тут такие? – снова загудело, но теперь Мет увидел, что старец говорит, не открывая рта.

Он поразился громогласности и твердой силе его голоса

при почти не шевелящемся рте.

– Я Мет, дедушка. А это Аутландия.

– Мет?! Что за имя такое? А, понял! Ты Матфей? Аут Шо? Это где?! Не Земля?

– Да, дома и на улице Мет, а в семье как Матфей. Аутландия, моя родная планета в Запределье. Это наша колония Земли на Вере... нашей звезде.

– А, вот как. Понял! А я твой прА-Ащур внучек, по-вашему. ПредОк рода вашего. ДАвний...очень давний. Давно тоясть табя жду... А Я прозы-ва-лся Сергием. Почти как твоего деда ... малолетку. Родился – уродился я на Земле. А, где родился-там и пригодился! Мне перво-Ому из нашего рода, дал Бох нести это бремя и передавать толику все-очищающего и все -пояда-ющего пламени огня Его людям! – Старец сдерживал гудение голоса и говорил хоть и тише, но также чеканно и торжественно пропевая слова.

– Огня?

– ОгнЯ? Нам дан нутрянный Огнь его Внимания! Все-очищающий, поядающий скверну и хвори, освещающий все-ведением и познаниям сущего зримого, так и незримого! Огонь в нас, а мы в Нем! А таперя вам с сеструхой сносить его послушно, по-жисти и супротив Тьмы, покамест не передадите далее своим внукам.

– Нам?

– Вам! Я уж свое относил! Ранее он давался весь одному! Но впервые Огнь разделился, двоим нести! Для тебя – Ясный

луч света истины меч тебе, а стена огня очищающего – это щит нуждающимся в защите. Всему понемногу вас научит мы и жизнь. Ты станешь крестострелом хаоса для созданий тьмы и лучом неопалимого света Вифлеемской путеводной звезды! А Аря понесет в мир, животворность и созидание благого и животворного! Арю научат и супротивникам окорачивать жизни их злы.

– Арю? Вари! А как это деда?

– По-вашему она Вари, а по-нашему Аря или Арья благородная акО порОждающая Благое!

– Не смогу я Вари все это сказать. Я маленький...

– Табе и не надоть. Ей покажет ее прапрабабка по силе женской ее рода. Расскажет о животворении жизни и обучит жизнь противостоять злу и смерти. И мы не все вам сразу будем говорить, а по-маленьку, малюсенькими словами-шажками, вживляя в вас знания немалые. Только так по мере уЗнавания вы и будете учиться, и будет даваться вам Знания. Будем учить, и помогать вам. Мы, с родным вам дедушкой, всегда рядом с вами. Наша забота такая ... а ваша жить и учиться и потом передАть дальше Знания-Умения. Знания живы пока передаются! Да и не наши они, а даны нам для применения и для передачи дальше по роду. В этом наши задачи и мой наказ вам!

– Хорошо дедушка. А это тот самый меч света у тебя?

– Это я свой выковал себе в боях с тьмой и злом. А свой ты своими трудами выкуешь свой себе. Вот тебе первый труд

– сковать себе оружие из света. Не у горна и из металла, а огненными делами света в борьбе со злом и смертью!

– Какое оружие дедушка?

– А какое сможешь. У нас говорят – Кто может тот и маг! Знай это... Так вот, ладошки своди близко и разводи недалеко, пока "вату" из света не почувствуешь между пальчиками и тогда упрочняй ее до твердости. А потом из нее выкуй из света и оружие себе по своему норову и характеру ... – сказал старец и показал как ладонями "ковать" энергию света зримого в незримое оружие света. Мет повторил и ощутил с начала уплотняющуюся ватность между пальцами, а потом горячее приятное жжение в центре ладоней и кончиках пальцев:

– Ой! – сказал Мет и рассмеялся.

– Не спеши и не смейся! Учись прилежно каждый день! Так помаленьку и сможешь! Еще учись вдыхая и выдыхая слушать внучек ...

– Что слушать дедушка?

– Все, слухай! Солнце в первую очередь, облака когда дождя надоть или чтобы он иссяк, камень и дерево когда сила нужна от них, воду когда жизни треба больше, ... людей слушай. Особливо учись их слушать. Ты тоже человек. Узнавай себя! Глубоко добираясь до глубины приятия жисти и причин отвержения этого святого дара! Все что неприятие- все ведет к переставанию хотеть жить. Учись слышать и читать людей. Если что-то не понятно, спрашивай меня как себя об

этом и будешь видеть ответы и попадать в нужные места там, на незримой дороге Луной освещенной. А как? Как вдыхаешь и выдыхаешь узнаваемое. Потом поймешь.

– Как камень слушать, он ведь всегда молчит?

– Не ушами слушать, а рукой слушай, и дыханием. Как ощущаем мы трепет и биение жисти в нас, пока мы живы. Ложи ладонь на камень и вдыхай вслушиваясь, проси ответить, слыш не ушами, а молча направь свой внутренний взор внимания на предмет от которого хочешь знать и вдыхай знания и энергию его в себя и выдыхай обязательно отдавая назад ее. Если не станешь выдыхать, то переполнишься и будет пучить и мучить тебя лишним в тебе, как когда переешь. А еще закрывай очи и глубже услышишь тихий глас истины. Понял хоть?

– Пойму..

– Молодец! Дельный внучек растет! ... Мы только ступени к вам ... Мы свой труд сделали. Таперча ваш черед узор жисти ткать мечом и живосотворением. – сказал старец и кончиками двух длинных полусогнутых сложенных пальцев очертил вокруг Мета в воздухе восьмилучевую звезду из двух четырех лучевых звезд вписанных друг в друга, зеленой как листва и красной как огонь.

– Это знак и символ бессмертной жизни! Жизнь, выплескивающаяся из небытия потоками энергий животворящего неугасаемого огня! Внутренний зеленый животворящий огонь молодого роста и созидания и внешний красный ог-

ненного рождения и перерождения. Это Крестострел, Вифлеемская звезда, что волхвов вела, неопалимый огонь знака Рая, Небесного Иерусалима, где всегда царствует порядок гармонии, созидания и равновесия под неусыпным Вниманием всевидящего Ока Его.

Знак звезды разгорелся ручейками живого огня и заслонил сиянием лунную фигуру старца. Звезда вспыхнула, а старец обернулся ночной бабочкой-бражником с грозным знаком октаграммы на крыльях. Бражник резко взмахнул огненными крыльями и рассыпался шариками света, устремившимися вверх спиральным хороводом к звездам.

Утром, еще сидя на кровати, Мет разводил и сводил ладошки перед грудью. То почти соприкасаясь ими, то разводя почти на ширину плеч. Между пальцев он начинал ощущать ватные уплотнения, как будто между ними натолкала ваты медсестра из их садика. Тут забежала мама:

– Ты еще не одет?!! – воскликнула она и потащила его к шкафу, где висела его новенькая форма для школы, в которую ему не очень хотелось идти. На кровати напротив сидела Вари, и все это время с интересом наблюдала за ним. Внезапно она громко и раскатисто сказала:

– У-ччч-Ись Матфей!!! – и засмеялась вместе с прыснувшей от смеха мамой.

Все заулыбались, Мет вспоминая зычное чеканное наставление старца, сам одел форменный пиджачок и спустились завтракать. Дорога в школу оказалась короткой.

В ближайшем поселке открыли начальную школу с объединенными разновозрастными классами из-за наплыва детей на побережье. В их классе были мальчики и постарше его, второклашки, как они себя называли в отличии от них первоклашек. Все Мету нравилось, даже линейка где длинный старшеклассник, опасно качаясь, пронес по кругу маленькую девочку в белых кружевных оборках махавшей большим колокольчиком.

Понравился их класс и их классный руководитель. В классе висело много шариков и ленточек под потолком. Первый урок быстро кончился и они всем классом выбежали в коридор и дальше на улицу. Родители уехали, пошутив, что заберут его домой, если он научится читать, то что написано на плакате на крыше школы. Читать он уже умел, во дворе было солнечно и не по сентябрьски тепло и настроение у него было счастливое.

Он бегал в догонялки с Жано, мальчиком с которым его посадили за одну парту в классе, когда его кто-то сильно толкнул сбоку, и он упал на мокрый песок.

– Извините! Вы дурак что-ли, стоите на дороге?! – сказал он, еще не увидев с кем он столкнулся. Мет встал, начав снова извиняться, но получив сильный толчок в грудь, снова упал на спину. Поднимаясь и начиная злиться на стоящего перед ним ухмыляющегося большого пацана из их класса, увиденного им при падении назад. Зло ухмыляясь и высокомерно глядя на Мета-первоклашку, тот с издевкой сказал:

– Что чистюля, мамка отлупит за грязные брючки? Маленький сынок...

Мет встал и начал помахивать как утром ладонями перед грудью.

– О! Малахольного заклинило!! – зло засмеялся тот, но сразу замолчал настороженно.

Мет почувствовав ватность между пальцев, сжал ее в кулак до твердости камня и в уме представил, как бьет что есть силы, этому здоровяку под дых тяжеленным камнем, как недавно в поселке, он ударил злую собаку, что стала зло гавкать и напугала Вари.

– "Хрясть!!!" – услышал он в голове и здоровяк, поперхнувшись ухмылкой, осел на колени перед ним. Мет внезапно увидел череду картинок о здоровяке и его жизни и начал выплескивать их словами прямо в болезненно искривленное лицо здоровяка:

– Мамочка?! Она тебя бьет шнуром, а ты визжишь как девчонка и врешь потом, что это сестру лупили! Ты крысеныш из старого двора! А если узнают в новом о тебе правду и твой отец узнает об этом, то придется тебе иметь грязные брючки ... на попке!

Злость все еще гуляла в Мете грозowymi волнами и он снова стал сминать ватность в камень, готовясь добавить злому, но здоровяк как почувствовал, что будут еще бить и затараторил, заискивающе глядя ему в глаза:

– Ты это того! Никому не говори ладно, Да?! Я шутил! Мы

не будем нападать больше на тебя! Давай дружить!

– А я не боюсь никого и тебя тоже! Либо дружим, либо мне нравится драться! Я ещё могу сестру младшую позвать. Она быстро тебе выжжет светом сердце!

Не успел он договорить, как троица исчезла, взметнув песок из-под их ног. Раздался звонок окончания перемены. За партой Жано спросил его, что троица старших хотела от него.

– Убежать! – рассмеялся Мет и тут же получил замечание за смех в классе. Мету в принципе понравилось в школе. Инцидент с нападением никак его не напугал, а только немного разозлил.

– «И я смогу сковать свой меч!» – вдруг осенило его осознанием точности слов старца из сна.

После школы его встречали родители. Папа подарил ему книжку "Канон для будущих властелинов". Вари, приехавшая с ними стала радостно показывать ему свой рисунок с бабоськой, но внимательно присмотревшись к Мету, молча, только молча, погладила его по руке. День был теплым и безветренным, родители заехали по-дороге в парк погулять. Они поняли, что их родителям хочется вместе погулять и молча, шли молча а не носясь взад и вперед как всегда, довольные своей сообразительностью за ними. Этой осенью на рябинах созрело много кистей с ярко-красными ягодами и ветви с оранжево-желтыми листьями сгибались от их тяжести.

– Зима будет холодной и большой. У меня на родине так говорили глядя на богатый урожай рябины. – сказал папа. А мама вдруг стала напевать:

– "В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть. ...

И папа стал ей подпевать:

– Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком..."

Вари вдруг дернула за рукав Мета и внимательно посмотрела на него. Мет понял ее! Она, молча, сказала ему в уме, что у мамы грустно на работе и предложила ему самим "сходить и посмотреть" что не так и чем ей помочь.

Папа обнял и поцеловал маму и позвал их садится в машину, ехать домой. В машине Мет закрыл глаза, погружившись внутрь себя «нырнул» в свою темноту внутри и "вынырнул у мамы на работе в ее агентстве». Вокруг мамино агентство на грани тьмы и освещенного места, кружили три темных опасных дяди. Они были намного чернее его обид-

чиков в школе. Дяди хотели забрать мамино агентство себе и избавиться от него, продав. Они усиленно врали про мамины «нехорошие дела» всем ее клиентам и подговаривали других не давать маме денег и работы. Он стал злиться и хотел их тоже "побить" слепленными камнями, но Вари снова дернула его за рукав, останавливая его, а сама стала действовать, прерывисто часто дыша. Мету показалось, что она смеется. Он ощущал в ней, то пугающее приближение нарастание близости с черными дядями, то быстрое удаление их вдаль до полного исчезновения на горизонте. В третий раз они удалились и исчезли совсем, а ощущение в маминой работе стало спокойным и легким. Вари гордо сказала:

– Бабуська наюусила!

– Вари- лапочка, чему тебя бабушка научил? – спросила ее мама услышавшая ее голос.

– Дысать на пляхих дядий! Сдуть из совсема насегда... – еще более важно ответила ей Вари и пожала руку Мету, пока мама не видит.

Они сегодня сами защитили маму.

Гл.5. Шепот на лунной дорожке

Этим вечером было очень тихо. Ветра не было, не шуршали осенними тихими сплетнями сухие осенние листья на тропинках, с залива не приносились крики птиц. Тишь была обволакивающей, она как подушкой плотно покрывала и останавливала все. Казалось, что вечный ветер с моря, надорвавшись с натуги, не мог продуть плотную тишину, а птицы без ветра не смогли прилететь с залива, и легли переспать это не полетное время. Погода как будто накопила остатки жары в плотную вату покоя в ожидании сезонных шумных пронизывающих холодных ветров подкрадывающейся зимы. Люди тоже стали меньше бегать по улицам и больше сидеть перед каминами и батареями отопления и на кухнях за горячим чаем. Со стороны дороги не свистели и не сигналили при обгонах, вечно спешащие беспилотные доставщики, везущие продукты в большой город, а стада личковушек не везли перегретых суетой города людей в тихие пригородные прохладные места на выходные, остывать от суеты вечно спешащего города. Безветренная немая тишина сгустилась до осязания, впитала все тепло и звуки, поглотила всю округу обморочной глухотой до самых дальних покрытых ранним снегом гор. В пригороде она уже поглощенная ею, все стихло и став оглушительно тихой закатными вечерами. С каждым вечером прохладное закатное солнце, тихо растворялось в

мареве горизонта, все сильнее и сильнее засыпая до весны.

Они с Вари сидели на балкончике второго этажа и ожидали когда приедут родители из местного магазина. Они им сказали, что привезут торт, если они немного спокойно посидят на веранде. Они немного «посиживали». Вари рассказывала Мету, что она узнала о воспитательнице в садике. Мет с Вари теперь стал встречаться только вечером, после его школы и ее садика. А тут ещё родители переселили Вари в детскую на первом этаже, поставив для нее там кровать и перенеся туда все ее игрушки, и освободив Мету на втором этаже место для его школьного стола и тумбочек.

Вари рассказывала, что от воспитательницы "пахло" грустью и застарелой неприятной кисло-тусклой болью. Вари было болезненно это ощущать, и она решила «посмотреть», что так мучает добрую тетеньку. Воспитательница была хорошей с Вари и поэтому она решила ей помочь. Вари села в уголке на стульчик и закрыв глаза, она «вошла по лунной дорожке» внутрь воспитательницы и .. раз! ... оказалась как у нее дома. Она не была физически у нее дома, но осознала присутствие своего внимания именно в ее доме и задала себе вопрос – откуда ее грусть и как ответ, вошла в пространство квартиры, где стояла воспитательница и плакала, смотря на разбросанные вещи вокруг валяющегося на полу мужчины в грязной одежде. Плакала она от безысходности и усталости, так жить и нужно что-то делать, но ее сковывал непознаваемый ужас из ее далёкого прошлого, как будто ее

увидит и осудит другая женщина из прошлого. Ужас высказывал, оживая из черной глубины, безвозвратно прошедшего и пугал ее до дрожи и спазмов. Там внутри прошлого, она всегда была маленькой, скрючившейся от страха девочкой, на которую орал пьяный отец, размахивая огромным ремнем. Он не просто лупил ее, он ее лупил и запугивал ее, что выгонит ее из дома, до описывания. А потом снова лупил ее вонючим ремнем, приговаривая, что писать в одежду нельзя. И этот сковывающий безвыходностью парализующий ужас, и истерическое желание бежать, куда глаза глядят, растягивало ее на части, не давая что либо делать. Она теряла силы и снова замирала в своем бессилии от безволия, оставаясь пригвожденной этим ужасом на месте как умирающая бабочка пришпиленная булавками в коллекции. Но она не умирала, а вечно жила этом мучении и ужасе.

Вари вошла еще дальше в ее прошлое, и этот ужас оказался ещё древнее. Вари отшатнулась от орущего отца и углубилась по черному следу гадюкой выползающей из мглы прошлого и пошла глубже по лунной тропе света в черноте, к ее бабке и дальше к ее прапрабабкам. Шла и видела, протискиваясь сквозь их ощущения, как ее мать тоже жила с пьяницей, но и это было только частью ее несчастий и трудностей. Вари углубилась в дальнейшее прошлое этого рода, ища первопричину к седьмому колену женщин ее рода. Она дошла через ее бабушку к первой женщине. Та, седьмая прабабка боялась, что и второй ее мужчина будет уведен у нее

другой, как увели ее первого любимого в юности и она останется одна посреди страшной жизни, одной без любви. Это горе, остаться в голоде и опасности в еще детском бессознательном возрасте, впитали ее дочери. Взрослея, она их подучивала, из благих намерений, не страдать как она, и не описываться от страха, а уметь наложит отпугивающий наговор на разлучницу и приворотный заговор на мужчину, так, чтобы под волшебной, он не смог уйти от нее.

Седьмая прабабка ходила к сильной ведунье, что предложила ей учиться, самой заговаривать на верность своего мужчину. Учиться заговаривать так сильно, чтобы другая никогда не смогла распутать своими наговорами узоры ее «приворотной любви». Страх и желание толкали ее учиться. Она научилась сильным заговорам. А потом научила этому своих дочерей, но страх жил в ней и она его передала не вербально, им вместе с силой своей магии. Дочери впитали и силу умения, и ужас неизбежной потери и позже передали это своим дочерям как необходимость. А они все эти умения и страхи, усиливая, передавали дальше женщинам их рода. Вот так и стали женщины в их роду уметь и заговаривать и разговаривать чужие наговоры, а потом болезни и ситуации в жизни.

Вари поняла, что это именно и стало первопричиной их горестей и бед. Возвращаясь их глубины прошлого воспитательницы, Вари обнаружила, что у воспитательницы есть сестра. А у сестер, были еще живы дедушка с бабушкой, уме-

ющие заговаривать у приносимых к ним детям цыган, болезни по православному молитвослову. Сестры боялись учиться у них. Впервые в их роду они теми, кто умение заговаривать не свил, а старинный ужас развил в себе. Сестры, впервые оказались бессильны перед ужасом их рода. Вари попыталась нашептывать им желания, научиться по книге дедов, но ужас в них заблокировал уже это. Ужас правил их жизнями как хотел. Дорожка, по которой шли сестры, виделся в пугающем месте, заполненном огнем и стонами.

Из-за туч вышла Луна и проложила жёлтую светящую дорожку бликов через озеро к их дому. Вари замолчала, любуясь живым мерцанием лунного света на воде.

Мет спросил ее:

– А почему они не стали учиться заговорам? Ведь это их дедушка и бабушка?

– Они только боялись и боялись, и от страха перестали жить для себя своей жизнью. А что с ними делать, я не знаю. Я маленькая. Я шептала ей про книгу, но она только дрожит и боится.

– А сестра ее? Она вроде не боится. – спросил Мет, посмотрев через дорожку Вари с воспитательницы на ее сестру.

– Сестра не любила дедушку, за то, что тот ее поучал жить правильно и по-божески, пугая чертями. А теперь она не хочет вспоминать его и он не сможет ей помочь оттуда ... ну куда все уходят.

Мет стал ей объяснить как дедушка учил, про переход-

ный мир, где возможно встретится с уже ушедшим дедушкой или попробовать воспитательнице это нашептать и сводить ее поговорить с дедами.

С дороги сверкнули фары машины. Это приехали родители, и они тут же побежали их встречать, наперегонки кто быстрее. Потом был торт и чай, и им было хорошо и легко, и Мету подумалось:

–«Какие у нас хорошие родители! И дедушка! А что его заставило учиться и учить их?! Надо потом сходить и узнать все!»

Через неделю примерно, Вари позвала Мета на балкон:

– Пошли. Что расскажу ...

Они уселись на балкончике, и Вари шёпотом рассказала Мету, что воспитательница и один мальчик заболели. Их увезла скорая помощь, в больницу.

– Чем они заболели?

– Ни чем ...

– Как это ничем?!

И Вари начала выкладывать все по порядку, а не как обычно, когда из нее нужно вытягивать все по очереди. Вари рассказывала, что после ужина ей внезапно стало холодно, как будто с окна на веранду садика подуло зимой. Вари подошла и закрыла створки окна и увидела за окном, что у забора садика стоит длинный худой дедушка в чёрном. Черный дедушка стоит и смотрит на мальчика их группы, что выбежал на улицу без спроса, на прогулку их еще не отпускали.

– «Злюканский чернай дедуска звал мальчика! А потом шмотрит каак малчик плачет ...» – рассказывала сбивчиво Варя.

Мальчик увалился на скамейку, чуть не упав с нее на землю. Выбежала воспитательница и что-то закричала черному деду-злюке. Дед глянул на нее один раз и резко отвернулся и пошагал вниз по переулку. А воспитательница схватилась за грудь и стала по телефону звонить. Приехала скорая помощь и мальчика положив на носилки, занесли в машину. Воспитательницу тоже под руки завели в «скорую», и уехали в больницу. Сразу стало теплее, а скоро и мама с папой приехали и забрали ее, но руки у нее до сих пор были холодные.

– «Потогай!» – она сунула ему свои ладошки. Действительно они оказались холодные как появляющийся по утрам лед по берегу озера и в лужах. Мет растирал и грел ее руки своими. Что делать с этим пугающим новым и как злюкинский дед мог так пить людей, что их сразу увозят в больницу, он пока боялся думать и не понимал, как сопротивляться этому.

Они чувствовали своим внутренним пониманием, что злой-дед приходил за ними, а мальчик и воспитательница просто попались ему «под руку» первыми. Они были отчего-то уверены, что этот злюкин дед- это старший брат той тетки-злючки заморозившей половину их берега, тогда ночью и которую они растопили в доме-корабле. Он пришел мстить им!

К ним на балкончик поднялась мама, обеспокоенная затишьем в доме. Потрогав руки Вари и ойкнув, обхватила своими теплыми ладонями их с Метом руки, стала тоже греть и дуть на них. Согрев немного, она повела их в низ, пить горячий чай с тортом. Попивши чаю, они были отпущены спать.

– " Ну мама!!!" ... еще маленько посмотреть на лунную дорожку». – поклялись они и им разрешили «еще пять минут и все!».

Сидя «пять минут» и разглядывая золотистые ломкие переливы лунной дорожки на льдинках озера, они договорились разделить сложную задачу на две менее сложные между собой и спросить дедушку как помочь мальчику и воспитательнице, и что делать со злюкиным дедом.

Мет не стал сразу ложиться спать, а сел на кровать, закрыв глаза, стал идти к образу злюкинского деда, промелькнувшего у его в мыслях, когда Вари рассказывала, как увидела его у забора садика. Войдя в его ментальный образ, ему открылись текущие внутри злюки желто-серые, «пахнущие» гноем потоки энергии. Обычно гной в ранах был такого цвета и вонял также, пока мама их не обнаруживала и ругая Мета обрабатывала и заклеивала регенеративными пластырями.

На свой первый вопрос к злюке: "Откуда это в нем и что это?", Мет увидел ответ во вспышках картинок, где дед-злюка привык еще в детстве пить энергию людей, пугая их или эмоционально доводя их до злости и раздражительности. Вместе с энергией боли он пил из них и их ужас разло-

жения в страхе и страданиях. Он питался их страданиями, как привык с детства пить мучения своих сестер, специально пугая или подставляя под гнев измученной беспросветной жизнью матери. Он бы и хотел попить чистой энергии радости и света, но вокруг него с самого его детства, были только страдания и он привык к такой ядовитой отравляющей диете. Он подпитывал себя и свою жажду любви и внимания, выпиванием чужой жизненной энергии мук и страданий. Недавно он стал, чувствовать, что ему скоро умирать и как израненная крыса стал нападать на всех подряд, даже на собственного внука и попавшуюся под руку воспитательницу прямо на улице, где его могли увидеть и застать. А тут ему хотелось отомстить за сестру к которой он может и не испытывал никаких добрых чувств, но месть в его глазах видоизменяла его жажду на оправдание якобы благородной цели. За всю его жизнь никто не замечал, как он питается жизненными силами окружающих людей. Все воспринимали внезапно наступающие болезни и слабость после общения с ним, как нормальность жизни и эта их позиция ему позволяла жить, не очень изощряясь маскировкой своих действий.

Мет задал себе следующий вопрос – "Как исправить этот вред мальчику и воспитательнице?" – и Мету показались картинки, как энергия течет к злокинскому деду ручейками в пространстве от тех, кого он уже пил и продолжает пить, по необходимости просто вспоминая о них. Ручейки энергии от этих людей текли к злоке деду, скручиваясь и извиваясь как

струи воды в невесомости.

Следующими картинками Мету показали, как отвести струйки энергии от тела деда и перенаправить их назад к мальчику и другим людям, которых он пил. Струй было много и эта работа затянулась. Мет работал долго, устал и заснул, а проснулся только утром от папиного голоса, зовущего мыться и завтракать. Он не мог вспомнить, когда лег в кровать. Теперь он несясь вниз к умывальнику, стараясь прибежать к нему раньше Вари, вспомнил, что во сне к ним на помощь приходил их дедушка Сергей и очень быстро отсекал своим мечом по несколько ручейков-присосок от людей и закрывал их стенами огня и зеркал. У деда Сергея это получалось быстро и споро и Мет успокоившись, заснул.

– Папа, а дедушка Сергей скоро к нам приедет в гости?! – спросил он отца, выходя из ванны утром.

–Ээээ... наверное, следующим летом. А что ты соскучился уже? Вы же с ним ругались все время. Ты говорил, что он злой? Что все время тебя учит и вредничает? Уже нет?

– Не ... ааа, мы просто так ...

– Ну тогда хорошо. Завтракать, и поедем в школу.

В школе было хорошо и дома вечером они с Вари, не сговариваясь, оделись в куртки и отпросились погулять вокруг озера до леса и обратно. Лес от холода уже все свои красивые листья сбросил, они, желтые и красные лежали кучами. Голые деревья, черными концами веток печально чертили на ветру прощальные письма ушедшему лету.

Вари рассказывала свои брожения по лунным тропам. Говорила, что мальчик был очень слаб и казался там, на лунной дороге, серым и спящим, а врачи его не могли разбудить. На вопрос как это, она только развела руками. Рассказала, как дышала в него наполняя энергией, как учил дедушка-Сергей с права на лево и шептала ему что пора вставать. Мальчик стал просыпаться, розоветь, но не открывал глаза специально, сказав ей, что боится черного злюкинского деда. Она стала ему шептать, что сейчас его нет. Ну и злюкинский черноред и появился! Как позвала она его! Вари испугалась и уже хотела позвать Мета на помощь, но злюкиного деда загородил их родной дедушка. Деда-Сергей сильно топнул ногой и крикнул грозно злюкодеду:

– Мы тебе ничего не дадим! Верни все что взял!! – и снова так топнул ногой, что всё встряхнул, а черноред провалился куда-то вниз под землю в огонь. Потом дедушка-Сергей показал ей как лучше надышать мальчика энергией и мальчик проснулся. Она видела, как забегали врачи, и мама мальчика плакала от радости. Дедушка-Сергей поцеловал Вари, сказав, что пошел помогать Мету, исчез. Вари помогла еще и воспитательнице. И когда та стала живее, решила нашептывать ей, что ей нужно продолжить заговоры, помогать себе и людям, как все ее прадеды и прабабки до седьмого колена и через это к ней снова притечет энергия ее рода, наполняя ее жизнь удачей и счастьем.

Вари посмотрела на Мета и сказала:

– Ну вот! Теперь и я рассказала!

Они уже дошли до дальнего края леса. Все там было завалено желтыми и красными листьями, и они до одури кидались ими в друг дружку, пока не услышали звяканье корабельной «рынды» на веранде их дома и папин крик, зовущий идти пить чай и чтобы они набрали красивых больших листьев маме в подарок. Они быстро насобирали самых ярких и красивых листьев и в двух охапках наперегонки понесли их к маме. Мама смеялась, рассыпая листья по кухне, а ее глаза светились. После ужина и составления букета из листьев, уже укладывая их спать, она их поцеловала по три раза.

Вся последующая неделя была теплой и прошла хорошо. В выходные с залива пришел циклон с дождями. В один из пасмурных дней в машине по дороге домой, Мет заметил, что мама сидит в машине грустная и усталая. Он взялся за руку Вари, кивнув ей головой на маму, закрыл глаза, зная, что она тоже сейчас начнет помогать маме.

Они представили мамин образ и размытыми лунными дорожками вопросов и ответов вошли в него. Внутри они быстро вышли к картинке, где с мамой говорил человек в ее агентстве, а мама вздыхала, грустно прикрывая рот руками. Человек болезненно кривясь и даже с радостью, рассказывал маме раздражающие и пугающие ее вещи и ... Мет увидел ручеек энергии утекающей от мамы к этому злоулыбчивому дядьке. Ручеек был красивым с мягким золотистым свечением и играя бликами на перегибах полностью втекал в

злоулыбателя. Он первый раз видел такое. Увиденный понятый им ответ был, что это особая энергия мамы как женщины, что она тщательно копила в себе и тратила на свое творчество для людей и для семьи. Это было мамин творчество в придумывании прекрасных проектов на работе и выпечке необычного и вкуснейшего печенья для их семьи.

Злоулыбатель пил ее радость творчества! Кривоулыбатель не был черным, но был каким-то противно-сладенько приторным. Мет понял, что сладенький умильно кривляющийся дяденька крал у мамы ее энергию творчества, которую та подолгу накапливала. Мама копила ее собирая из всего в ее жизни. Она откладывала ее из радости общения в семье, она собирала впечатления и прекрасные эмоции из красивых пейзажей залива, много брала от любви к ним и к папе, вдыхала от ветра с моря и от цветов на лугах за озером. Все что она получала с удовлетворенностью своей жизнью и еще от очень многого прекрасного в ее жизни, все сладко-злойный дядька крал у нее сейчас, забирая ее радость жизни и саму жизнь! Злойный дядька умильно пугая ее страшными и грустными новостями вызывал у нее эмоциональные выплески накопленных светлых положительных эмоций и творческой энергии.

Мет спросил себя: – Что делать и вспомнил как их дедушка делал отрезание связей и защиту огнем и зеркалами. Вспомнил и сразу стал знать, что нужно делать и стал аккуратно все это повторять. Сделав, он стукнул ногой утверди-

тельно и грозно как дед-прапрапредок провозгласил:

– Ты ничего не получишь! Верни, все что взял!!!

Сказал и увидел, как противный дядька, запищав как мокрица, на которую наступили ногой, быстро убегает по коридорам, бросив маму в недоумении.

– Мет! Ты что стучишь? – раздался голос мамы.

Мет всплыл от лунной тропы, распахнул глаза и увидел на лице мамы улыбку и как ее глаза снова светятся снова радостью и весельем.

– Да вы тут уже спите моя малышня! Да, сейчас быстро стало темнеть. – воскликнула мама и стала их тискать с переднего сиденья под бока, а они только радостно смеялись, увертываясь от нее в ответ, и притворно хватали ее с заднего сидения за одежду. Так они и приехали домой, смеясь всей семьей и играя.

Дома Вари сказала, что подсмотрела, что он делал, пройдя на тропинке Мета и попросила его не смотреть на причины противного дядьки сделавшие того гаденько несчастным, но Мет конечно уже в кровати, сходил через этого противного дядьку в его прошлое и увидел там страшное. Отчим бьет его маму на кухне обухом топорика по голове. Она падает, а дядька-мальчик от ужаса теряет сознание и падает под стол, за которым он упоенно рисовал свою маму с цветами в руках. Отчим потом соврал приехавшим врачам, что это его мама спяну уронила его, а падая, разбила и себе сама голову. Отчима вызывала полиция, но он и там врал, а потом сбежал

от них, украв деньги и вещи. С тех пор красивые картины и людей, умеющих красиво рисовать их, ненавидел, каменяя от боли и одновременно болезненно жаждал насладиться красотой их работ, но только для себя.

Он в припадке опустошенности ненавидел и выпивал из этих людей их прекрасный дар творческого полета в горный мир идей. Он ненавидел их и пил, пока ему не становилось спокойно. Пока его не отпускало из тисков ужаса сцен из детства, которые он никогда не мог забыть ни на день. Его мало интересовало, что потом случалось с этими людьми, а он после таких припадков, насытившись, долго пребывал в благожелательном состоянии и мог даже сделать пару профессиональных картин, в основном об адских ужасах и истязаниях невинных в крови с сексуальными извращениями. Это помогало ему переживать свою неспособность к нормальной человеческой семейной жизни. Он считал, что люди хуже и гаже его. Это помогало немного временно. Имея опыт «семейной жизни» его отца и матери, он пугался до дрожи и леденящих спазмов, обычной семейной жизни и подменяя ее, себе казался выше всей этой пошлости и кривляния жалких недалеких людишек неспособных к сложному и изящному. Пытался, но не никогда избавлялся от своего ужаса до конца и тот снова и снова прорастал в нем все более сильными разрывающими его душу переживаниями. Выпивая энергию людей, ему удавалось как-то срastить куски души в целое, но его снова его рвало проростками ужаса детства на части по

живому. Он не мог это контролировать, и ужас, прорастая, снова и снова забирал его жизнь. Он очень страдал, но ничего не мог сделать с этим. И не хотел делать, а просто пил радость жизни других.

И Мет вспоминал, как учил их дед-Сергей, нашептывал ему, что все эти ужасы ему приснились в кошмарах и пора забыть их. Только повторив несколько раз, заменяя образы кошмаров, Мету удалось расслабить его, и серый расплывчатый образ его потускнел и исчез из поля его видения. У него появилось ощущение, что больше никогда он ничего не сделает их маме.

Гл.6 Авария, но живем будущим

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.